

Глядя на труп Каддафи, "я мог бы сказать, что этот человек был монстром", мог бы вспомнить массовые расстрелы и пытки в годы диктатуры, мог бы возразить, что он сам этого добился, отказываясь от переговоров, мог бы признать, что не нам, европейцам, давать уроки революционной гуманности, но "я - непримиримый противник абсолютного зла, каковым является смертная казнь", пишет в Le Point Бернар-Анри Леви.

"Есть в этом зрелище что-то, что вызывает у меня отторжение. Есть в этой сцене линчевания дикость, которая меня отталкивает и которой нет никакого оправдания", - признает французский мыслитель. Более того, кадры этой агонии, показанные телеканалами всего мира, - верх профанации, не говоря уже о выставленном впоследствии на всеобщее обозрение разлагающемся теле Каддафи.

Признавая, что он разделяет облегчение повстанцев и считает падение тирана великим днем для Ливии, Леви подчеркивает, что обстоятельства его смерти могут подорвать нравственный авторитет революции, которую до этого можно было считать образцовой. Необходимо установить истинные обстоятельства убийства полковника, это важнее, чем восстановление шариата, убежден Леви. "Любой, кто размышлял над общей историей революций, не может не признать, что от подобных символических эпизодов зависит глубинная сущность и участь демократических восстаний", - подчеркивает философ. Либо это убийство, подобное обезглавливанию последнего короля Франции, которое станет основополагающим актом грядущей эры, ее предварительным отражением, и тогда это ужасно. Либо же это не начало, а конец, последний всплеск варварства, и тогда битва за свободу, пройдя через этот экзорцизм, продолжится и сохранит верность весне Бенгази. "Именно эта вторая гипотеза представляется мне сегодня наиболее вероятной, и мы должны приложить все наши силы, чтобы помочь ей обрести плоть", - подчеркивает в заключение Леви.

Бернар-Анри Леви
Le Point
По материалам: InoPressa.ru